

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323.17

**«Национальная революция» большевиков
и «национальная политика» современной России**

В. А. Ачкасов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Ачкасов В. А. «Национальная революция» большевиков и «национальная политика» современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2018. Т. 11. Вып. 1. С. 3–14. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2018.101>

В статье дается развернутая характеристика основным направлениям советской национальной политики: созданию национально-территориальной федерации, практике «коренизации кадров», культурной и лингвистической революции и т. д. В результате делается вывод о том, что советская национальная политика имела двоякого рода последствия. С одной стороны, способствуя развитию этнонаций в союзных и автономных республиках, она создавала институциональные и психологические предпосылки для размывания легитимности и крушения советской системы. С другой — ее направленность на размывание русской идентичности и подмену ее советской придавали первой имперские черты. Автор отмечает также тесную связь и преемственность концептуальных оснований и практики российской этнополитики с теоретическими постулатами и практикой советской «национальной политики». Однако если компартия сознательно строила национальные государства в рамках СССР, то в современной России этот процесс продолжается как бы по инерции, несмотря на провозглашение стратегической цели — формирования российской политической нации.

Ключевые слова: советская национальная политика, национально-территориальная федерация, коренизация кадров, политика позитивной дискриминации, российская политическая нация.

Теоретически «пролетарская» идентичность большевистского режима исключала возможность его национальной идентификации, так как пролетарский интернационализм исключает национализм. Однако программа РСДРП(б) признавала право наций на самоопределение, вплоть до отделения и формирования

самостоятельного национального государства. Уже первые документы нового Советского государства — Декрет о мире и Декларация прав народов России (15 ноября 1917 г.) — провозглашали: «1) Равенство и суверенность народов России. 2) Право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств. 3) Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений. 4) Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России» [1, с. 20–21]. В свою очередь, тезис о федеративном устройстве Российской советской республики был официально провозглашен в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», принятой Третьим Всероссийским съездом Советов 25 января 1918 г. вместе с постановлением «О федеральных учреждениях Российской республики» [1, с. 39–40], и уже в первой Конституции РСФСР 1918 г. утверждался этнотерриториальный принцип выделения субъектов федерации. Статья 11 Конституции гласила: «Советы областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, могут объединяться в автономные областные союзы... Эти автономные областные союзы входят на началах федерации в Российскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику» [2, с. 224]. Тогда же в составе Совета народных комиссаров был образован Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац), который возглавил И. Сталин. Наркомнацу ставились следующие задачи:

- а) обеспечение мирного сожительства и братского сотрудничества всех национальностей и племен РСФСР, а также и договорных дружественных советских республик;
- б) содействие их материальному и духовному развитию применительно к особенностям их быта, культуры и экономического состояния;
- в) наблюдение за проведением в жизнь национальной политики советской власти (см.: [3]).

Все это, казалось бы, противоречило стратегическим целям партии. Но надо специально отметить, что большевики не считали политическое самоопределение наций самоцелью. Национализм в их понимании был ложной буржуазной идеологией, позволяющей правящим классам скрывать классовый раскол в обществе. Поддержка права на самоопределение была лишь средством, необходимым на первом этапе мировой социалистической революции для того, чтобы снизить недоверие и враждебность рабочих и крестьян разных национальностей друг к другу и создать фундамент для их последующего интернационального объединения на классовой основе для успешной борьбы с буржуазным строем. В. И. Ленин писал: «Мы бы вычеркнули национальный вопрос из программы. Это можно было бы сделать, если бы были люди без национальных особенностей. Но таких людей нет, и иначе социалистического общества мы никак не можем построить... Мы — противники... национальной обособленности. Мы — международники, интернационалисты. Мы стремимся к тесному объединению и полному слиянию рабочих и крестьян всех наций мира в единую всемирную Советскую республику», однако «вождь мирового пролетариата» вынужден был признать тот факт, что «такой союз нельзя осуществить сразу; до него надо доработаться с величайшей терпеливостью и осторожностью, чтобы не испортить дело... Поэтому, неуклонно стремясь к единству наций,

преследуя все, что разъединяет их, мы должны быть очень осторожны, терпеливы, уступчивы к пережиткам национального недоверия» [4, с. 485, 505–506].

Важно также подчеркнуть, что значительная часть коренного населения национальных окраин империи была солидарна с фантастическими планами большевиков и поверила в их осуществимость. Война Советской России на периферии былого Российского государства в то время не воспринималась как «война русских с нерусскими». «Большинством населения, несмотря на националистическую пропаганду местных правительств, она была пережита как война классовая, как война бедняков против богатеев, пролетариев — против владельцев имущества, тех, кто владел собственностью, с теми, кто желал обладать ею. Пафос интернационализма являлся не просто идеологическим лозунгом большевистских вождей, но действительным состоянием умов миллионов обитателей бескрайней бывшей Империи. Только приняв это утверждение, сможем мы объяснить победу большевиков в Российской революции, победу, которая не в малой степени ковалась этническими инородцами» [5, с. 138].

По окончании Гражданской войны большевики начинают претворять в жизнь действительно грандиозные проекты «развития угнетенных народностей бывшей Российской империи». Правящей партией принимаются радикальные решения в сфере «национальной политики», а создание Союза ССР, казалось бы, знаменует поворотный пункт в «национальной революции», право на национально-территориальное самоуправление и, гипотетически, на государственную независимость получили даже те народы, которые ранее «и не желали, и не были готовы к отделению от России» [6, р. 43].

Уже в документах X съезда РКП(б) (март 1921 г.) провозглашалась необходимость развития национальных культур, работы по созданию судопроизводства на национальных языках, организации соплеменной большинству населения местной советской власти, подготовки руководящих национальных кадров и т. д. Определялся курс на «хозяйственное выравнивание развития промышленности в национальных регионах» при одновременном «отстранении местных эксплуататорских элементов и классов, церковников и феодалов» от власти. XII съезд РКП (б) (апрель 1923 г.) подтвердил особую важность для коммунистов национального вопроса и принял решение об ускоренной «коренизации» кадров (т. е. создании, порой практически на пустом месте, национальной политической и культурной элиты союзных республик), которое направлено на то, чтобы усилить влияние формирующегося союзного центра на «национальные» регионы и укрепить власть большевиков в республиках через целый комплекс мер [7, с. 716, 718]. Как отмечает сегодня А. Миллер, «коренизация не уступка силе существующего на тот момент национализма, а стремление национализм как потенциальную силу приручить» [8, с. 233].

Некоторые историки называют эти решения, по аналогии с НЭПом, «новой национальной политикой». Действительно, «если самодержавие порой *невольно* способствовало развитию национального самосознания народов империи, то компартия *сознательно* строила на его основе национальные государства в рамках СССР...», — справедливо утверждает сегодня С. Сергеев [9, с. 513]. Важным инструментом такого национального строительства стало не только институциональное строительство, но и «коренизация кадров». «Революционное правительство России, — констатирует Терри Мартин, — было первым среди правительств

старых европейских многоэтничных государств, которое столкнулось с подъемом национализма и ответило на него, систематически развивая национальное сознание этнических меньшинств и создавая для них множество институциональных форм, присущих нации-государству» [10, с. 88].

При этом выбор «национальности» в качестве универсальной и важнейшей групповой принадлежности выглядел достаточно произвольным и зачастую осуществлялся путем категоризации «сверху». «В момент конструирования “этнических” (“национальных”) территориальных образований (начавшегося в 1920-е гг.) не менее, а зачастую гораздо более важными и осознаваемыми формами групповой принадлежности были локальные (сельские общины), кровнородственные (роды, кланы, племена), конфессиональные, сословно-профессиональные» [11, с. 11]. Однако навязывание этнических категорий в качестве официально признанных государством и их регулярное воспроизводство в административной практике постепенно привели к реальному осознанию принадлежности к этим новым институализированным группам. «Советская Россия может не обращать внимания на все сложившиеся групповые связи и просто отбросить их без риска возникновения индивидуального недовольства с перспективой бунта, — утверждал еще в 1950-е годы Э. Хоффер. — Осветизированный туземец не остается одиноким в борьбе против враждебного ему мира: он начинает свою новую жизнь как член тесно сплоченной группы — более тесной и более единой, чем был его прежний клан или племя» [12, с. 60]. Уже в первой советской переписи населения 1926 г. появляется вопрос о «национальности» (этнической принадлежности), выбираемой по «национальности» одного из родителей. Население страны отныне разделялось по «нациям и народностям», имевшим разный статус. Изменилось по сравнению с имперским периодом и «понятие “русский”, которым стали обозначать только бывших великороссов, а категория “великоросс” исчезла из общественной практики, а затем из самосознания людей. В свою очередь малороссы стали называться украинцами, белорусы остались белорусами, но обе группы перестали считать себя одновременно и русскими», — отмечает В. А. Тишков [13, с. 98]. Судьбу «большого русского национального проекта» во многом определила политика коренизации кадров и массивная национализация культур в Белоруссии и особенно на Украине. Более того, в 1926 г. пленум ЦК Компартии Украины даже объявил украинизацию «одним из способов построения социализма». Как отмечает Т. Мартин, после 1933 г. «тотальная украинизация была отменена, но русификация Украины не началась» [10]. В те же годы И. Сталин «резко затормозил “коренизацию”, которая стала уже представлять потенциальную почву для сепаратизма, но не остановил ее совсем, и она пусть не такими быстрыми темпами, но продолжала осуществляться, что привело в 1970-е к окончательному закреплению власти местных элит в союзных республиках» [9, с. 517].

В работе «Политика Советской власти по национальному вопросу в России» (1920) И. Сталин пишет об областной автономии окраин, отличающихся особым бытом и национальным составом, как о единственно целесообразной форме союза между центром и окраинами, автономии, долженствующей связать окраины России с центром узами федеративной связи [14, с. 351–363]. Как результат, в 1920–1923 гг. сначала в РСФСР, а затем и в других союзных республиках появляются национально-территориальные образования — автономные республики и области. В 1926 г. специальный закон разрешил организацию в РСФСР национальных рай-

онов и сельсоветов. Эта практика, конечно же, была распространена и на другие республики СССР. В итоге все сколько-нибудь заметные компактно проживающие этнокультурные группы получили свою этническую территорию и территориальную автономию. Причем изыскиваемые исторические доказательства глубины укорененности на этой территории являются обоснованием права на нее «этноса». «Этническая территория» считается (и сегодня. — В. А.) необходимым условием для воспроизводства больших и малых народов и для полноценного развития «человека-этнофора». Из этого следует, что защита «своей» территории и сохранение на ней «этнокультурного равновесия» имеет стратегическое значение для сохранения и воспроизводства языков и культур» (этнических маркеров) [11, с. 10]. Как отмечал в те годы внешний наблюдатель, один из лидеров «евразийства» Н. С. Трубецкой, «те права, которыми теперь наделены нерусские народы СССР, уже не могут быть отняты. Время укрепляет существующее положение. В будущем попытка отнять или хотя бы умалить эти права вызвала бы самое ожесточенное сопротивление» [15, с. 373].

Одновременно лидеры большевизма понимали, что «строительство социализма» подразумевает решение проблем общекультурного характера, связанных с преодолением неграмотности, развитием системы высшего образования, науки и промышленности. «Образование, — писал, в частности, В. И Ленин, — это оружие, чье действие зависит от того, кто его держит в руках, и того, кого оно поражает, оно должно служить насущным целям государства» (цит. по: [16, с. 216]).

Однако в ходе культурной революции происходило не только массовое искоренение неграмотности. «Лингвистическая революция» привела к тому, что многие народности страны получили свою письменность, начала издаваться литература более чем на ста языках народов СССР и т. д. [17, с. 36–48]. Одновременно начался перевод на латиницу языков сначала народов, использовавших арабский алфавит, а затем и так называемых бесписьменных народов, поскольку русский гражданский алфавит объявлялся «алфавитом самодержавного гнета, миссионерской пропаганды, великорусского шовинизма». Всего в 1923–1939 гг. на латиницу было переведено 50 из 72 письменных языков. Это обосновывалось тем, что латинизация алфавитов есть первый этап к созданию «всемирного национального алфавита». Однако в 1930-е годы языки большинства «братских советских народов» переводятся на кириллицу. Эта задача в основном решается к 1940 г. [18, с. 51–54]. А в 1938 г. русский язык становится обязательным предметом во всех школах союзных республик.

Во многом благодаря поддержке центра возникают национальные литературы и научные школы, формируется национальная научная и творческая интеллигенция. «Какими бы ни были намерения режима, но культурные формы, созданные для нерусских народов, а также символы автономии, дарованные им, имели бесспорный консолидирующий эффект, усиливая национальное самопознание, особенно у тех народностей, у которых оно не было до того развито... в рамках национальной идентичности народам была дана сравнительно широкая свобода самобытного существования», — констатирует один из американских исследователей [19, р. IX]. И он не одинок в своем мнении.

Чем же можно объяснить экстраординарные усилия интернационалистов-большевиков «по пробуждению к национальной жизни» народов бывшей Российской империи?

Несомненно, их стратегическими целями. Разъясняя суть политики партии в национальном вопросе, В. И. Ленин писал: «...не разрывая с основами марксизма и социализма вообще», нельзя отрицать, «что интересы социализма стоят выше, чем интересы права наций на самоопределение» [20, с. 243–252]. Это же совершенно определенно отметил главный «эксперт» партии по национальным вопросам И. Сталин еще в апреле 1918 г. в интервью газете «Правда», особо подчеркнув стратегическую временность федерализма в революционной России, когда «принудительный царский унитаризм сменяется федерализмом добровольным... которому суждено сыграть переходную роль к будущему социалистическому унитаризму» (цит. по: [21, с. 279]). Спустя 12 лет, на XIV съезде ВКП(б) в 1930 г. Сталин снова повторил, что «развитие национальных культур и языков в период диктатуры пролетариата в одной стране может допускаться, но только ради создания условий для их последующего отмирания и слияния культур и языков в единую социалистическую культуру и в единый общий язык, когда социализм одержит победу во всем мире» [22, с. 173]. Таким образом, национальная и культурная революция вписываются в контекст мировой социалистической революции. «Ни Ленин, ни Сталин не ставили себе такой национальной задачи, — подчеркивает сегодня В. Страда, — для них Россия и вообще вся бывшая царская империя была материалом и орудием наднационального политического проекта, реализуемого под руководством интернациональной идеологии» [23, с. 20].

Видимо, этим в какой-то степени объясняется то, что «Наркомнацу для выполнения своей миссии в полном объеме постоянно недоставало материально-финансовых ресурсов, квалифицированных кадров, да и руководитель ведомства — И. В. Сталин — не проявлял особой заинтересованности в его работе... Весь период своего существования Наркомнац находился в состоянии постоянных реорганизаций, что не способствовало результативности его работы. Менялись конкретные цели и задачи, полномочия учреждения, структура аппарата и подразделений. Нередко происходило дублирование функций с другими наркоматами и учреждениями; сложной была система взаимоотношений национальных комиссариатов на местах с центральными и местными партийными и исполнительными органами власти; происходила частая смена кадров» [24, с. 35]. Наконец в 1924 г. Наркомнац был упразднен.

Кроме того, согласие Ленина и его соратников на федерализацию единого прежде государства можно объяснить тем, что они прекрасно сознавали, что существование единой и жестко централизованной коммунистической партии, управляющей всеми социально-политическими процессами на всем советском пространстве, позволяет сохранять всю полноту политической власти, создает прочный каркас для связи и удержания «национальных республик». Именно поэтому малейшие притязания на автономию со стороны национальных коммунистических лидеров и организаций всегда решительно пресекались, как и любые попытки «националов» самостоятельно ставить и решать политические вопросы. «Разграничивая практику самодержавной империи и ее наследника — советского государства, — пишет Марк фон Хаген, — мы можем констатировать интересный парадокс: в то время как имперская идеология горячо отрицала сам принцип федерализма, но де-факто сохраняла множество значительных локальных сообществ и автономных образований буквально вплоть до своей гибели, советский режим

официально провозглашал своим ведущим принципом федерализм... но в то же время на практике стремился достичь такой степени унификации социальной структуры и культурных моделей, которая была беспрецедентной в российской истории» [26, с. 43–44].

Принятие же на вооружение системы национально-территориальных автономий также объяснялось тем, что Ленин и его соратники видели в ней прежде всего эффективное средство строительства интернационального сообщества и ускорения исторического развития народов страны, а не средство этнического возрождения. Об этом свидетельствует, в частности, полемика Ленина со сторонниками принципа национально-культурной автономии еще в 1913 г. (см.: [27]). Таким образом, «национальное строительство» связывалось руководством партии со стремлением ускорить ход истории: «...пусть нации быстрее формируются — тем скорее они растворятся в неизбежном движении человечества к коммунизму» [28, с. 193].

Наконец, следует подчеркнуть, что проводимый в 1920-е годы курс на развитие этнокультурного многообразия сопровождался жесткой борьбой с естественным доминирующим положением русских в стране. Напомним, что В. И. Ленин, используя формулу французского писателя маркиза Астольфа де Кюстина «Россия — тюрьма народов» («Империя эта при всей ее необъятности — не что иное, как тюрьма...») [29, с. 225], делал упор исключительно на угнетенном положении «нерусских» народов Российской империи. По справедливому замечанию современной французской исследовательницы, «одной из задач большевиков... было стремление избежать всякого возрождения русской идентичности» [30, р. 30]. В партийных документах той поры неоднократно указывается, что великорусский шовинизм — враг для Советского Союза более опасный, чем любая форма местного национализма. Даже «традиционная русская культура была осуждена как культура угнетателей» (см.: [31]). Еще на XII съезде РКП(б) в 1923 г. «любимец партии» Н. И. Бухарин говорил: «Мы в качестве бывшей великодержавной нации должны идти наперерез националистическим стремлениям (нерусских народов. — В. А.) и поставить себя в неравное положение в смысле еще больших уступок национальным течениям. Только при такой политике, когда мы себя искусственно поставим в положение, более низкое по сравнению с другими, только этой ценой мы сможем купить себе настоящее доверие прежде угнетенных наций» (см.: [7]). В экономическом смысле эта политика нашла выражение в следующем: «21 августа 1923 г. был создан Союзно-республиканский дотационный фонд СССР, средства из которого предназначались для экономического и социального развития кавказских, среднеазиатских и других союзных республик, включая Украину. Фонд формировался за счет РСФСР, но последняя из него ничего не получала. При этом в отличие от РСФСР, в бюджеты союзных республик полностью зачислялись сборы налога с оборота (один из основных источников бюджета) и подоходный налог» (см.: [9, с. 506–521]). Много позднее эту политику американец Терри Мартин назовет «политикой позитивной дискриминации», тем самым показав, что первыми к ее проведению (в рамках политики мультикультурализма) обратились не американцы в 1970-е годы, а большевики на 50 лет ранее, причем осуществляли ее в гораздо более радикальной форме и практически до конца существования Советского Союза. Поразительно то, что политика национальной дискриминации великороссов проводилась партией, 72 процента членов которой (в 1922 г.) составляли этнические

русские. Настолько велика была индоктринация членов ВКП(б), их воля к отказу от этнической русской самоидентификации в пользу классовой.

Таким образом, Советский Союз стал «колыбелью наций», наиболее продвинутые из которых на рубеже 1980–1990-х годов выступили инициаторами разрушения общего государства в момент попытки его радикального реформирования.

В результате советская национальная политика имела двоякого рода последствия. С одной стороны, способствуя развитию этнонаций в союзных и автономных республиках, она создавала институциональные и психологические предпосылки для размывания легитимности и крушения советской системы. С другой — ее направленность на размывание русской идентичности и подмену ее советской придавали первой имперские черты.

Многие эксперты отмечают сегодня тесную связь и преемственность концептуальных оснований и практики российской этнополитики с теоретическими постулатами и практикой советской «национальной политики», что выражается в следующем:

1. В формуле «многонациональный народ РФ», вошедшей в Преамбулу Конституции 1993 г., как отмечал еще А. Салмин, «явственно слышны отголоски былого лозунга о “многонациональном советском народе”. Как и следовало ожидать, “многонациональный народ Российской Федерации”, являющийся “носителем и единственным источником власти в Российской Федерации” (ст. 3), рано или поздно и окажется потенциальным краеугольным камнем преткновения» [32, с.7]. Возникли естественные вопросы: кто это «многонациональный народ Российской Федерации» и что собой представляет Российская Федерация — мини-империю или национальное государство?
2. Был сохранен и советский «великий компромисс» — национально-территориальные образования в составе Российской Федерации. В 1990-е годы федеральная власть взаимодействовала с ними в режиме *ad hoc*, иногда договариваясь о преференциях и закрывая глаза на формирование в них этнократических режимов (Татарстан, Башкортостан, Калмыкия, Якутия, Тыва и др.), иногда проявляя преступную нетерпимость в отношениях с ними (Чечня при Джохаре Дудаеве и его преемниках). И сегодня, продолжая политику «совершенствования национально-территориальных основ» нашей этнофедерации и в связи с этим впадая в «одержимость пропагандой “многонациональности” при третировании общероссийской культурно-языковой и ценностно-ориентированной общности» (В. А. Тишков), чиновники, отвечающие за «национальную политику», работают отнюдь не на сохранение единства страны. «Поощряя и даже спонсируя бюджетными деньгами развитие различий, используемых в дальнейшем “этническими предпринимателями” в борьбе за статус, власть и ресурсы, государство/центральные власти закладывают огромный конфликтогенный потенциал между представителями разных народов, которые, по декларативным заявлениям политических элит, должны консолидироваться в единую политическую нацию посредством формируемой единой надэтнической политической идентичности» [32, с. 41–42].
3. По причине слабости федеральной власти в 1990-е годы в национальных республиках по инерции продолжалась практика «коренизации кадров» и политика «позитивной дискриминации». Достаточно вспомнить заключение

в начале 1990-х годов двухсторонних договоров федерального центра с национальными республиками, которые закрепляли за ними экономические и налоговые преференции. В 2000-е годы (как и в 1930-е годы в СССР) практика «коренизации кадров» тормозится, но процесс полностью не остановлен, практика «позитивной дискриминации» также сохраняется.

4. Господствующая и поныне в России парадигма публичных дискуссий — «межнациональные отношения» — также не безобидна. «Концептуализируя происходящее в обществе как проявление (обострение, гармонизация и так далее) “межнациональных отношений”, мы перестаем видеть реальных людей. Вместо реальных групп интересов и реальных организаций агентами социального взаимодействия оказываются “этносы”, — отмечает В. С. Малахов и определяет этот подход как «методологической этноцентризм», т. е. взгляд на общество как на конгломерат этносов, в котором этническое всецело закрывает собой социальное, экономическое и политическое [33, с. 50].

Таким образом, если компартия сознательно строила национальные государства в рамках СССР, то в современной России этот процесс продолжается как бы по инерции, несмотря на провозглашение стратегической цели — формирования российской политической нации.

Литература

1. Декреты Советской власти. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1957. Т. 1. 626 с.
2. Чистяков О. И. Конституция РСФСР 1918 года. 2-е изд. М.: Зерцало-М, 2003. 224 с.
3. Чеботарева В. Г. Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики. 1917–1924 гг. М.: Общественная академия наук российских немцев, 2003. 852 с.
4. В. И. Ленин о национальном и национально-колониальном вопросе. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1956. 599 с.
5. Зубов А. Б. Плюрализм тоталитарности // Полис. Политические исследования. 1993. № 6. С. 135–144.
6. Pipes R. The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917–1923. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997. 372 с.
7. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1953). М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1953. Ч. 1. 683 с.
8. Касьянов Г., Миллер А. Россия — Украина: Как пишется история. Диалоги. Лекции. Статьи. М.: Изд-во РГГУ, 2011. 306 с.
9. Сергеев С. Русская нация, или Рассказ об истории ее отсутствия. М.: Центрполиграф, 2017. 575 с.
10. Мартин Т. Империя положительной деятельности: Советский Союз как высшая форма империализма // Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / под ред. Р. Суни и Т. Мартина. М.: РОССПЭН, 2011. С. 46–65.
11. Филиппова Е. Французские тетради. Диалоги и переводы. М.: ФГНУ «Росинформгазотех», 2008. 244 с.
12. Хоффер Э. Человек убежденный: Личность, власть и массовые движения. М.: Альпина Паблишер, 2017. 200 с.
13. Аствацатурова М. А., Тишков В. А., Хопёрская Л. Л. Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. М.: ФГНУ «Росинформгазотех», 2010. 264 с.
14. Сталин И. В. Сочинения. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1947. Т. 4. С. 351–363.
15. Трубецкой Н. С. Общевосточный национализм // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей / сост. Е. А. Васильев. М.: Айрис Пресс, 2004. С. 372–401.
16. Балицкий И. И. Образовательная политика России в конце 1917–1920 гг. // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 1. С. 201–215.
17. Алпатов В. М. 150 языков и политика: 1917–1997. Социолитературные проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Институт востоковедения РАН, 1997. 192 с.

18. Султыгов А.-Х. Большевизм и национальный вопрос // Вестник Российской нации. 2017. № 2. С. 8–84.
19. Goldhagen E. Introduction on Ethnic Minorities in the Soviet Union. New York: Brandeis University, Institute of East European Jewish Studies, 1968. 287 p.
20. Ленин В. И. К истории вопроса о несчастном мире // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во политической лит-ры, 1974. Т. 35. С. 243–252.
21. Крутник И. Причины «взрыва» национализма в нашей стране // Психология национальной нетерпимости: хрестоматия / сост. Ю. В. Чернявская. Минск: Харвест, 1998. С. 267–294.
22. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1953). М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1953. Ч. 2. 1202 с.
23. Страда В. Настоящее как история // Россия на рубеже веков. 1991–2011 / ред. и сост. А. Зубов, В. Страда. М.: РОССПЭН, 2011. С. 11–21.
24. Романова Н. М. Политика управления национальными процессами в Петрограде и Петроградской губернии: 1917–1923 гг. (по материалам Петроградского Комиссариата по делам национальностей). СПб.: Петроцентр, 2013. 432 с.
25. Хаген М. фон. История России как история империи: перспективы федералистского подхода // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология. М.: Новое издательство, 2005. С. 18–47.
26. Львова Э. Л., Нам И. В., Наумова Н. И. Национально-персональная автономия: идея и воплощение // Полис. Политические исследования. 1993. № 2. С. 129–135.
27. Кловер Ч. Черный ветер, белый снег. Новый рассвет национальной идеи. М.: Фантом Пресс, 2017. 496 с.
28. Кюстин А. Россия в 1839 году. СПб.: Изд-во Крига, 2008. 704 с.
29. Mendas M. Existe-t-il un Etat russe? // Politique étrangère. 1992. N 1. P. 23–32.
30. Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca; London: Cornell University Press, 2001. 528 p.
31. Салмин А. М. Миф истории и история мифа // Национальная идея: страны, народы и социумы / отв. ред. Ю. С. Оганисян. М.: Наука, 2007. С. 3–13.
32. Мартыянов В. С. Конфликт идентичностей в политическом проекте Модерна: мультикультурализм или ассимиляция? // Идентичность как предмет политического анализа / под ред. И. С. Семененко. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 36–41.
33. Малахов В. С. Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 200 с.

Статья поступила в редакцию 26 октября 2017 г.

Статья рекомендована в печать 5 декабря 2017 г.

Контактная информация:

Ачкасов Валерий Алексеевич — д-р полит. наук, проф.; val-achkasov@yandex.ru

The “National Revolution” of the Bolsheviks and the “National Policy” of modern Russia

Achkasov Valery A.

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Achkasov V. A. The “National Revolution” of the Bolsheviks and the “National Policy” of modern Russia. *Vestnik of Saint Petersburg University. Political Science. International Relations*, 2018, vol. 11, issue 1, pp. 3–14. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2018.101>

The article gives a detailed description of the main areas of Soviet national policy: the creation of a national-territorial federation, the practice of “personnel rooting”, the cultural and linguistic revolution, and others. As a result, the conclusion is drawn that the Soviet national policy had two kinds of consequences. On the one hand, by promoting the development of

ethno-nations in the union and autonomous republics it created institutional and psychological prerequisites for eroding the legitimacy and later collapse of the Soviet system. On the other hand, its focus on eroding Russian identity and substituting it with Soviet identity gave the former imperial features. The author especially notes a close connection and continuity of the conceptual foundations and practices of Russian ethnopolitics with the theoretical dogmas and practice of the Soviet “national policy”. However, if the Communist Party consciously built the national states within the USSR, trying to accelerate the course of history, in modern Russia this process continues as if by inertia, despite the proclamation of a strategic goal being the formation of a Russian political nation.

Keywords: Soviet national policy, national-territorial federation, *personnel rooting*, *positive discrimination* policy, Russian political nation.

References

1. *Dekrety Sovetskoj vlasti [The decrees of the Soviet power]*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1957, vol. 1. 626 p. (In Russian)
2. Chistiakov O.I. *Konstitutsiia RSFSR 1918 goda [The Constitution of the RSFSR in 1918]*. 2nd ed. Moscow, Zertsalo-M Publ., 2003. 224 p. (In Russian)
3. Chebotareva V.G. *Narkomnats RSFSR: svet i teni natsional'noi politiki. 1917–1924 gg. [The People's Commissariat on Nationalities of the RSFSR: the light and shadow of national politics. 1917–1924]*. Moscow, Obshchestvennaia akademiia nauk rossiiskikh nemtsev, 2003. 852 p. (In Russian)
4. V.I. Lenin o natsional'nom i natsional'no-kolonial'nom voprose [V.I. Lenin on the national and national-colonial issue]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1956. 599 p. (In Russian)
5. Zubov A.B. Pliuralizm totalitarnosti [Pluralism of totalitarianism]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 1993, no. 6, pp. 135–144. (In Russian)
6. Pipes R. *The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917–1923*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1997. 372 p.
7. *Kommunisticheskaia partiia Sovetskogo Soiuz v rezoliutsiakh i resheniakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TsK (1898–1953) [The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1953)]*, pt. 1. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1953. 683 p. (In Russian)
8. Kas'ianov G., Miller A. *Rossiiia — Ukraina: Kak pishetsia istoriia. Dialogi. Lektsii. Stat'i [Russia — Ukraine: How the story is written. Dialogues. Lectures. Articles]*. Moscow, Publishing House RGGU, 2011. 306 p. (In Russian)
9. Sergeev S. *Russkaia natsiia, ili Rasskaz ob istorii ee otsutstviia [Russian nation or the story about the history of its absence]*. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2017. 575 p. (In Russian)
10. Martin T. Imperiia polozhitel'noi deiatel'nosti: Sovetskii Soiuz kak vysshaia forma imperializma [The Empire of Positive Activity: The Soviet Union as the Highest Form of Imperialism]. *Gosudarstvo natsii: imperiia i natsional'noe stroitel'stvo v epokhu Lenina i Stalina [The State of Nations: Empire and National Construction in the Epoch of Lenin and Stalin]*. Eds R. Suni, T. Martin. Moscow, Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN), 2011, pp. 46–65. (In Russian)
11. Filippova E. *Frantsuzskie tetradi. Dialogi i perevody [French notebooks. Dialogues and translations]*. Moscow, FGNU “Rosinformagrotekh”, 2008. 244 p. (In Russian)
12. Hoffer E. *Chelovek ubezhdennyi: Lichnost', vlast' i massovyie dvizheniia [A person convinced: Personality, power and mass movements]*. Moscow, Alpina Publ., 2017. 200 p. (In Russian)
13. Astvatsaturova M. A., Tishkov V. A., Khoperskaia L. L. *Konfliktologicheskie modeli i monitoring konfliktov v Severo-Kavkazskom regione [Conflict models and conflict monitoring in the North Caucasus region]*. Moscow, FGNU “Rosinformagrotekh”, 2010. 264 p. (In Russian)
14. Stalin I. V. *Sochineniia [Works]*. Vol. 4. Moscow, OGIZ; Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1947, pp. 351–363. (In Russian)
15. Trubetskoi N.S. *Obshchevraziiskii natsionalizm [General Eurasian nationalism]. Russkaia ideia: Sbornik proizvedenii russkikh myslitelei [Russian idea: Collection of works of Russian thinkers]*. Comp. E. A. Vasiliev. Moscow, Airis Press, 2004, pp. 372–401. (In Russian)
16. Balitskii I. I. *Obrazovatel'naia politika Rossii v kontse 1917–1920 gg. [The educational policy of Russia in the late 1917–1920]*. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniia*, 2013, no. 1, pp. 201–215. (In Russian)

17. Alpatov V.M. *150 iazykov i politika: 1917–1997. Sotsiolingvisticheskie problemy SSSR i postsovetskogo prostranstva* [150 languages and politics: 1917–1997. Sociolinguistic problems of the USSR and the post-Soviet space]. Moscow, Institut vostokovedeniia RAN, 1997. 192 p. (In Russian)
18. Sulytsov A.-Kh. Bol'shevizm i natsionalnyi vopros [Bolshevism and the national question]. *Vestnik Rossiiskoi natsii*, 2017, no. 2, pp. 8–84. (In Russian)
19. Goldhagen E. *Introduction on Ethnic Minorities in the Soviet Union*. New York: Brandeis University, Institute of East European Jewish Studies, 1968. 287 p.
20. Lenin V.I. K istorii voprosa o neschatnom mire [To the history of the question of the unhappy world]. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete collection works]. Vol. 35. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1974, pp. 243–252. (In Russian)
21. Krupnik I. Prichiny «vzryva» natsionalizma v nashei strane [The reasons for the “explosion” of nationalism in our country]. *Psikhologiya natsionalnoi neterpimosti: khrestomatiia* [Psychology of national intolerance: Reader]. Comp. Yu. V. Chernyavskaya. Minsk, Kharvest Publ., 1998, pp. 267–294. (In Russian)
22. *Kommunisticheskaia partiia Sovetskogo Soiuzu v rezoliutsiakh i resheniakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TsK (1898–1953)* [Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1953)]. Pt. II. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1953. 1202 p. (In Russian)
23. Strada V. Nastoiashchee kak istoriia [Present as a history]. *Rossia na rubezhe vekov. 1991–2011* [Russia at the turn of the century. 1991–2011]. Ed. and comp. A. Zubov, V. Strada. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN) Publ., 2011, pp. 11–21. (In Russian)
24. Romanova N. M. *Politika upravleniia natsional'nymi protsessami v Petrograde i Petrogradskoi gubernii: 1917–1923 gg. (po materialam Petrogradskogo Komissariata po delam natsional'noei)* [The policy of managing national processes in Petrograd and the Petrograd Gubernia: 1917–1923 (based on the materials of the Petrograd Commissariat for Nationalities Affairs)]. St. Petersburg, Petrosentr Publ., 2013. 432 p. (In Russian)
25. Hagen M. Istoriia Rossii kak istoriia imperii: perspektivy federalistskogo podkhoda [History of Russia as the history of the empire: the prospects for a federalist approach]. *Rossiiskaia imperiia v zarubezhnoi istoriografii. Raboty poslednikh let: antologiya* [The Russian Empire in Foreign Historiography. Works of recent years: Anthology]. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2005, pp. 18–47. (In Russian)
26. Lvov E. L., Nam I. V., Naumova N. I. Natsional'no-personal'naia avtonomiia: ideia i voploshchenie [National-personal autonomy: the idea and embodiment]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 1993, no. 2, pp. 129–135. (In Russian)
27. Clover C. *Chernyi veter, belyi sneg. Novyi rassvet natsional'noi idei* [Black wind, white snow. A new dawn of the national idea]. Moscow, Fantom Press, 2017. 496 p. (In Russian)
28. Kustin A. *Rossia v 1839 godu* [Russia in the year 1839]. St. Petersburg, Izd-vo Kriga, 2008. 704 p. (In Russian)
29. Mendas M. Existe-t-il un Etat russe? *Politique étrangère*, 1992, no. 1, pp. 23–32.
30. Martin T. *The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, London, Cornell University Press, 2001. 528 p.
31. Salmin A. M. Mif istorii i istoriia mifa [Myth of History and the History of Myth]. *Natsional'naia ideia: strany, narody i sotsiumy* [The National Idea: Countries, Peoples and Societies]. Ed. by Yu. S. Oganisyan. Moscow, Nauka Publ., 2007, pp. 3–13. (In Russian)
32. Martyanov B. C. Konflikt identichnosti v politicheskom proekte Moderna: mul'tikul'turalizm ili assimiatsiia? [Conflict of identities in the political project of Modern: multiculturalism or assimilation?] *Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza* [Identity as the subject of political analysis]. Ed. by I. S. Semenenko. Moscow, IMEMO RAN Publ., 2011, pp. 36–41. (In Russian)
33. Malakhov V. S. *Ponaekhali tut... Ocherki o natsionalizme, rasizme i kul'turnom pliuralizme* [They came here... Essays on nationalism, racism and cultural pluralism]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 200 p. (In Russian)

Author's information:

Achkasov Valery A. — Doctor of Political Science, Professor; val-achkasov@yandex.ru